

Николай Лесков

Пламенная патриотка

Николай Лесков
Пламенная патриотка

«Public Domain»

1881

Лесков Н. С.

Пламенная патриотка / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1881

Николай Лесков

Пламенная патриотка

Из чужеземных правительственных знаменитостей я видел покойного Наполеона III – на открытии бульвара в Париже, князя Бисмарка – на водах, Мак-Магона – на разводе и нынешнего австрийского императора, Франца-Иосифа – за кружкой пива.

Самое памятное впечатление произвел на меня Франц-Иосиф, хотя он при этом капитально поссорил между собою двух моих соотечественниц.

Это стоит того, чтобы рассказать.

Я был за границею три раза, из которых два раза проезжал «столбовою» русскою дорогою, прямо из Петербурга в Париж, а в третий, по обстоятельствам, сделал крюк и заехал в Вену. Кстати, я хотел навестить одну достойную почтения русскую даму.

Это было в конце мая или в начале июня. Поезд, в котором я ехал, привез меня в Вену около четырех часов пополудни. Квартиры мне для себя не пришлось отыскивать: в Киеве снабдили меня рекомендациею, избавлявшею от всяких хлопот. Я, как приехал, так сейчас же и устроился, а через час уже привел себя в порядок и пошел к моей соотечественнице.

В этот час Вена тоже сделала свой туалет: над нею прошел сильный летний дождик и потом вдруг на совершенно голубом небе засверкало лучистое солнце. Красивый город, умывшись, смотрел еще красивее.

Улицы, которыми вел меня проводник, все казались очень изящными, но по мере того, как мы подвигались к Леопольдштадту, изящество их становилось еще заметнее. Здания были больше, сильнее и величественнее. У одного из таких проводник остановился и сказал, что это отель, который мне нужно.

Мы вошли чрез величественную арку в обширный зал, расписанный в помпейском вкусе. Направо и налево у этого зала были тяжелые двери из темного дуба; противоположная стена роскошно драпирована красноватым сукном. Посредине залы стояла коляска, запряженная парюю живых лошадей, и на козлах сидел кучер.

Этот великолепный зал попросту есть не что иное, как «ворота». Мы были под такими воротами, каких я еще не видал ни в Петербурге, ни в Париже.

Вправо находилось помещение швейцара. Оно тоже замечательно; замечателен и сам великолепный швейцар с камергерской фигурой: он сидел тут, как золотистый жук, в витрине из громадной величины зеркальных стекол. Ему все вокруг было видно: а возле него, для важности или для какого другого удобства, стояли три ассистента и все с аксельбантами. Если бы представилась надобность кого-нибудь не пропустить или вывести, такой швейцар сам, конечно, рук бы об это не пачкал.

На мой вопрос: «здесь ли моя знакомая?» – один из ассистентов отвечал: «здесь», а когда я спросил: «могу ли я ее видеть?» – ассистент доложил швейцару, а тот повел дипломатически бровью и *сам* объяснил мне:

– Собственно говоря, я не думаю, чтобы княгине теперь было удобно принять вас, – ей поданы лошади, и ее сиятельство сейчас уезжает кататься. Но если вам очень нужно...

– Да, – перебил я, – мне очень нужно.

– В таком случае я прошу у вас минуту терпения.

Было ясно, что имею дело с настоящим дипломатом и о минуте терпения спор был неуместен.

Мы взаимно друг другу поклонились.

Швейцар пожал электрическую пуговку в столе, перед которым помещалось его папское кресло с высокою готическою спинкою, и, приложив ухо к трубке, через секунду объяснил мне:

– Княгиня уже сходит с лестницы.

Я остался ее ждать.

Через минуту моя знакомая показалась на белых мраморных ступенях, в сопровождении давно мне известной ее пожилой русской горничной Анны Фетисовны, у которой есть роль в этом маленьком рассказе.

Княгиня встретила меня с отличающею ее всегдашнею милою приветливостью и, сказав, что она сейчас едет сделать свою послеобеденную прогулку, пригласила меня прокатиться вместе.

Она хотела показать мне Пратер. Я ничего не имел против этого, и мы поехали: я рядом с княгинею на заднем сиденье, а напротив нас Анна Фетисовна.

В противоречие тем, кто утверждает, что за границу все ездят гораздо тише, чем в России, мы понеслись по венским улицам очень быстро. Кони были резвые и горячие, кучер – мастер своего дела. Венцы в парной, дышловой упряжи правят так же красиво и ловко, как поляки. Наши кучера так ездить не умеют. Они очень грузны и сучат вожжами, – нет у них свободного движения в ленте и всей той «элевазии», которой так много в кракусе и в венце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.